

Американский опыт исследования материалов по устной истории

Известно, что взгляд на историю через исследование судеб рядовых ее делателей существенно расширяет наше представление о недавнем прошлом. Между тем в отечественной историографической традиции принято опираться главным образом на архивные материалы, привлекая в отдельных случаях опубликованные воспоминания и дневники. Интервьюирование, безусловно, проводится (речь идет, главным образом, о беседах с ветеранами), однако практически отсутствует целенаправленная работа в этом русле, предполагающая охват представителей разнообразных социальных групп, а также обобщение опыта путем методологических разработок. Среди существующих наработок отметим подобные исследования в области истории науки¹, а также фундаментальный труд В.В. Нурковой по психологии автобиографической памяти личности².

Много больше внимания уделяется “устной истории” на Западе, особенно в США, где десятки тысяч интервью давно уже стали полноценным (не экспериментальным) историческим источником.

Сбор материалов данного типа предположительно идет с начала 1930-х гг. Так, в разгар Великой депрессии безработным писателям было предложено интервьюировать бывших рабов американского Юга. Появление первых магнитофонов в 40-е гг. создало благоприятные условия для фиксирования человеческих судеб. В период Второй мировой войны опрашивались ее участники, позднее – политические лидеры и интеллектуальная элита, а с 1960-х гг. историки и журналисты обратили внимание на среднего представителя американского общества³. Тогда же появились соответствующие организации, например, Ассоциация устной истории (Пенсильвания), Архив устной истории Второй мировой войны г. Ратгерса (Нью-Джерси), Региональный офис устной истории при библиотеке Бэнкрофта (г. Ричмонд, Калифорния), Центры устной истории при Колумбиском университете (Нью-Йорк), университетах Индианы, Коннектикута, Мичигана, Южной Дакоты и др., цель которых – пополнение фондов путем опроса местных жителей и последующее приведение информации в удобочитаемый вид, а также совершенствование методологии и, что немаловажно, нормативной основы исследований. Коллекционированием частных свидетельств занимаются также библиотеки университетов Мэриленда и Нью-Мексико, архив Центра Билли Граама (Иллинойс) и т.п.

В отличие от “традиционных” источников, находящихся на государственном хранении, которые откладываются под действием отработанного механизма, сбор записей “устной истории” требует более весомых затрат времени и средств. Отсюда следует, что историк, опросивший граждан, должен обладать преимущественным правом на исследование собранных им материалов, тогда как в отношении интервьюируе-

мого необходимо обеспечить жизнеспособность права распоряжаться результатом опроса. Отработанная коллективными усилиями Регламентация обязанностей исследователя в отношении 1) интервьюируемых, 2) ответственности и своей профессии, 3) спонсоров и архивохранилищ⁴ – бесспорно, сильная сторона американского опыта изучения судеб людей.

В частности, “Принципы и стандарты Ассоциации устной истории” рекомендуют сдавать интервью в архивохранилища, чтобы обеспечить сохранность и общедоступность документов. Те, кто проводил беседу, в течение ограниченного периода имеют право на первоочередное использование материалов⁵. На уровне конкретных хранилищ документов степень доступности интервью – магнитофонных записей бесед и сделанных на их основе бумажных аналогов – варьируется. Как правило, чтобы воспользоваться коллекциями, необходимо сделать запрос.

Напоминание, что историк, начиная беседу, должен четко изложить свои цели, сообщить об источнике финансирования проекта, определить права обеих сторон на полученную информацию, очевидно, необходимо потому, чтобы достичь полного взаимопонимания с опрашиваемыми, что в свою очередь призвано порождать позитивную реакцию общества на инициативу исследователей. Следование обязательству не замыкаться на узкой тематике и сопровождать интервьюирование выявлением тех или иных дополнительных обстоятельств, поиском относящейся к делу документации другого типа должно способствовать интеграции исследований.

Нормативную базу исследований по устной истории существенно дополняет ряд опубликованных советов по технике интервьюирования. Обобщая данные двух статей⁶, выделим следующие неочевидные моменты:

1. Начинать интервью лучше с шуточных замечаний;

2. Не следует бояться продолжительных пауз, во время которых недопустимо отвлекать опрашиваемого выключением и включением магнитофона;

3. Вопросы не должны звучать красиво, будто бы исследователь желает ставить память о себе потомству. Напротив, желателен ряд неумелых вопросов, так как при этом собеседник не будет беспокоиться о красоте своей речи и в конечном итоге повысится ее информативность;

4. Не нужно прерывать интервьюированного, когда он отклонился от поставленного вопроса и рассказывает другой эпизод из жизни. Однако, если повествование не будет относиться к делу и речь пойдет о детях или здоровье, следует вернуть нить повествования, сказав наподобие “Перед тем, как мы заговорили об этом, я хотел выяснить, как закрытие рудника в 1935 г. отразилось на семейном бюджете. Вы помните это?”;

5. Некоторые сложности возникают при описании людей. Простой путь начать характеристику того или иного лица с внешности, после чего повествователь сам перейдет к оценке личных качеств. В этом плане рекомендуется применять метод от противного. Малорезультативен вопрос: "Я знаю, что мэр был великодушным и благоразумным человеком. Находите ли Вы его таким?" Более живой отклик можно получить, сформулировав мысль по-иному: "Несмотря на репутацию мэра как хорошего работника, я слышал, что он был очень тяжелым по характеру для непосредственных сотрудников".

6. Желательно избегать информации не для записи. Если она и имеет какое-либо значение, то только для самого исследователя, не для других. Записывать поэтому следует все, пообещав собеседнику стереть лишнее позднее при совместном прослушивании.

7. Следует проговаривать информацию, переданную жестами. Например, к услышанному "Рыба была вот такая большая" нужно добавить "Около 18 дюймов".

Попытаемся показать, в чем специфика интервью как исторического источника, на материале Архива устной истории Второй мировой войны г. Ратгерса⁷.

Беседа начинается с вопросов о судьбе родителей и других членов семьи рассказчика, а также о взаимоотношениях в семье. При этом не требуется давать информацию о глубоких корнях; спрашивается в основном о том, что информант и его родители видели своими глазами. Акцент делается на описании различных мест жительства собеседника или его ближайших предков, если эмиграция семьи в США из Европы сохранилась в памяти.

Вопросы о роде занятий родителей раскрывают своего рода историю микроэкономики в преломлении через личную жизнь:

"После войны мой папа пошел работать на "Си-Джи Хасси Компани", я догадываюсь, это имело отношение к медной промышленности. Это была компания, занимавшаяся выплавкой меди, которая имела опорный пункт в Питтсбурге и медеплавильный завод. Папа имел склонность к торговле, и его сделали коммивояжером, и ему дали работу продавать листовую медь церквям потому, собственно, что все церкви в те дни имели медные кровли, и они покрывались такой красивой зеленой патиной... Его работа была продавать листовую медь, и он обращался во множество церквей. И, я продолжу, поскольку он получил задание "Поезжай в Нью-Йорк и посмотри, продашь ли ты [медь] в тамошние церкви", он сделал это. И снял комнату, я догадываюсь, в Бруклине, и пошел осматривать церкви. И в одной из церквей, куда он обратился и где успешно совершил сделку, моя мама была прихожанкой и работала секретарем. Кажется, это сработало очень хорошо [Смеется]. И сейчас я здесь" (Ф. Суллебаргер).

Тему экономики продолжают вопросы о том, отразилась ли Великая депрессия на материальном положении семей.

“О, не надо вопросов об этом. Мы слышали, какой ужасной была Уолл-Стрит, и также мы имели родственников, которые потеряли много денег” (Е. Робинсон);

“[Мои прародители] не были богатыми, но они были довольно спокойными в этом отношении. Хотя мы не имели свободных денег, [у нас] не возникало вопроса о еде, одежде или чем-нибудь еще. Я проводил лето в Брэдли-Бич, где жили мои прародители. Так, я догадываюсь, что я не был бедным. Но мы не имели [достаточно] денег. Ни у кого не было денег в то время. Вы не могли бы видеть много богатых людей. Все были в одинаковом положении” (С. Шенкель).

“Депрессия на самом деле не имела неблагоприятного воздействия на нас. Мой отец всегда имел достаточно денег, чтобы хорошо жить, ни в чем себе не отказывая. Таким образом, не было особой проблемы в той степени, в какой это меня касалось. Мне никогда ни в чем не отказывали по этой или другим причинам. Я вспоминаю, что мы, например, всегда имели машину; это было хорошо” (Дж. Салдарини).

В некоторых интервью тема Великой депрессии продолжается описанием, как пострадавшим удавалось поднимать свое материальное положение:

“Да, было плохо вплоть до середины 30-х гг., и затем, в некотором смысле, начали выкарабкиваться. Мой отец с группой других еврейских фермеров той местности, я догадываюсь, они были вовлечены в Еврейское сельскохозяйственное общество, они переправляли вскармливаемых кур и петухов в Израиль, чтобы основать там птицеводческую промышленность. Так, он был один из первых, кто делал это” (Е. Робинсон).

Достаточное внимание уделяется диаспорам и межнациональным отношениям. Так, из интервью с Е. Робинсоном мы узнаем о недоброжелательном отношении к евреям в 30-е гг. “Лейквуд с некоторых пор был еврейским зимним курортом, так что там было достаточное количество еврейского народа. Имелась католическая приходская школа-восьмилетка. Итак, я пошел в среднюю школу, и туда пришла новая группа учеников. Это была достаточная смесь [национальностей], но не нанимали еврейского учителя, пока не наступили 30-е гг., и она (учительница – К.Х.) была старой девицей [смеется]. В Томс-Ривере было даже хуже. Кузине моей жены говорили: “И не думай о том, чтобы идти в учительский колледж в надежде быть учителем в Томс-Ривере”.

Межнациональные отношения обострились с началом Второй мировой войны. Ф. Суллебаргер повествует: “Я учил немецкий язык в нашей школе... мы имели прекрасную учительницу-немку, и она, в самом деле, преподавала немецкий прекрасно... Она отличилась тем, что

отказалась встать и спеть "Бог благословляет Америку". Вы думаете, что сделать это в Бруклине в 1941 г. не требовало мужества, ничего себе! Хотя она пережила войну. Никто не выгнал ее, и она продолжала преподавать немецкий..., но она не пользовалась большой популярностью".

Вопросы о политике служат выяснению политических взглядов семьи в различные эпохи и, в частности, оценке Рузвельта и его "Нового курса".

"В общем, я думаю, интерес к этому был. Да, были разговоры об этом, ... о некоторых мерах, которые были приняты, которые, в самом деле, были удачными, так как, кстати, брат моего отца, который был исключительно хорошим механиком, – это лучшее из того, как я могу назвать его, – не имея работы, делал лепные орнаменты на зданиях... Так он в то время получил выгоду от Администрации по реализации общественных работ (WPA), и я думаю, что многим людям таким образом была оказана помощь. Я думаю, другой полезной мерой в продолжение первого срока президентства Рузвельта было то, что он сказал: "Мы имеем множество ветеранов Первой мировой войны, кто мог бы воспользоваться некоторой суммой денег". Так, в то время выплачивалось денежное довольствие. Я помню, мой отец получил энную сумму денег, когда-то это было, что затем побудило его сказать: "Будем мы покупать новую машину или купим новое пианино?" Что я выбрал тогда?.. Не раздумывая, мы приобрели новое пианино" (Дж. Салдарини).

Любопытная проблема – внешнеполитические события в препломлении через сознание индивида. В этом плане показателен, к примеру, вопрос "Обсуждалась ли когда-либо в Вашей семье за обеденным столом ситуация в Европе 1930-40-х гг.?", адресованный Дж. Салдарини, на который был получен следующий ответ: "Да, да, конечно. Мы были озабочены приближающейся войной. Мы могли понимать это. Казалось, ты знал, что предшественницей была Гражданская война в Испании, в которой использовалось много, будем так говорить, экспериментального вооружения; казалось, она, по некоторым причинам, она предшествовала большой войне. Далее, мы могли узнавать без особого труда, как идут дела с Германией и ее аннексиями, и, вы знаете, была забота, "Как скоро мы вступим в нее (войну. – К.Х.), и как скоро она закончится"".

Бомбардировки Перл-Харбора происходили, оказывается, в то время, когда американцы слушали футбольный матч: "Я предполагаю, что делало большинство людей – слушали футбольный матч между "Гигантами" и, вроде бы, "Вашингтоном", я не помню точного названия, так или иначе, я слушал ту профессиональную игру по определенной радиостанции, и затем это известие было получено по радио. ... Я думаю, мы, как и вся страна, были шокированы тем, откуда была предпринята атака. Если мы и ожидали атаку, она должна была быть с дру-

гой стороны..." (Дж. Салдарини). С. Шенкель готовился в то время к Рождеству. "Мы все собрались, и у нас не было в те дни таких магнитофонов, как этот (с помощью которого велась запись интервью – К.Х.). Но магнитофоны имелись, и мы имели обыкновение делать записи, чтобы проигрывать их на вечеринке. И они были очень смешными, я догадываюсь. Мы имели обыкновение думать, что это так. Это было нечто слишком новое. Мы были в одном из домов наших дяди и тети и делали магнитофонные записи для рождественской встречи. Кто-то включил радио, и передали "Перл-Харбор подвергся бомбардировкам". И, слушая далее, каждый говорил: "Где находится Перл-Харбор?"... Это было в воскресенье, и я вернулся в Ратгерс в воскресенье вечером. В понедельник наша компания пошла в бюро пополнения армии. Не затем, чтобы нас зачислили в войска, но чтобы узнать, что это была за история. Мы были патриотичными, мы в самом деле были патриотичными".

Тема политики продолжается выяснением подробностей участия собеседника в военных операциях. Задавая вопросы о деятельности в послевоенный период, исследователи в некоторых случаях интересовались темой "холодной войны". К примеру, Ж. Салдарини представила следующую формулировку: "... Предлагали ли к Вам представители ЦРУ или госдепартамента собирать информацию?". Ответ на вопрос был отрицательным, однако интервьюируемый признал, что хотел посетить Чехословакию, чтобы изучить производство оборудования для получения безалкогольных напитков, но ему было отказано в получении визы.

Составной частью опроса является сбор материалов о системе образования. Кстати, именно это тема особенно популярна у собирателей и исследователей устной истории (в том числе и российских⁸), так как она затрагивает жизнь среднестатистического гражданина едва ли не в меньшей степени, чем культура и экономика, не говоря о политике. Исследователи задавали вопросы, ответы на которые раскрывают детали системы образования на каждом этапе. Также спрашивалось о том, каким образом их собеседники добивались до школы (кстати, довольно популярным способом передвижения был автостоп), как проходила инициация поступивших в школу, какие предметы им нравились больше всего, как проводилось свободное время.

Ряд интервью содержат информацию о скаутском движении. Приведем фрагмент из беседы с С. Шенкелем:

– Участвовал ли отряд бойскаутов в мероприятиях, проводимых с целью оказать помощь фронту?

– Бруклин... Я полагаю, что да. Я думаю, что мы собирали вещи, металллом... Я помню это. Да, вот другой факт, мы могли прийти на игровое поле Эббеттс и смотреть игру команды "Доджеры", если сдадим десять фунтов металллома. ... Мы все время пользовались этим преимуществом. Мы [его] выпрашивали, мы искали под заборами, а иногда забирали сами заборы, и появлялись на поле Эббетс. И ты мог

сдать металлолом, и ты мог подняться на трибуны и смотреть "Доджеров", которые были, вероятно, самым великим явлением в мире. Так, у меня до сих пор имеются кепки бруклинских "Доджеров", которые я ношу, когда играю в гольф".

Заключительная часть каждого интервью содержит повествование о детях собеседника, впечатления о поездках, дает информацию о занятиях американцев пожилого возраста. Так, Дж. Салдарини гордится тем, что уредил стипендию в честь своей матери.

Таким образом, американская историческая наука уделяет устной истории достаточно много внимания; пополнение архивных фондов записями бесед проводится целенаправленно, регулярно и методично. К тому же, если Архив г. Ратгерса пополняется через интервьюирование старожилов, то, например, Региональный офис устной истории при библиотеке Бэнкрофта занимается сбором и публикацией повествований, рассказанных жителями Ричмонда 23-85 лет⁹.

В чем специфика рассмотренных интервью как исторического источника? Во-первых, достаточно велик их объем – приблизительно от 15 до 35 тысяч знаков (в среднем до 70 страниц), что позволяет не только раскрыть отдельные эпизоды жизни, но и проследить логику ее развития. В этом ключе данный источник сопоставим с воспоминаниями и дневниками. Отличия же его – в том, что он создан под целенаправленным воздействием исследователя, в силу чего 1) последовательно и детально освещает события и явления и 2) расширяет круг информантов, так как последние в большинстве случаев по собственной инициативе не оставили бы записей, тем более доступных для специалистов.

Во-вторых, качественный признак интервью – содержательность. Этому способствует соответствующая подготовка исследователей, а также развитость правовых отношений между обеими сторонами, предполагающих, между иным, и материальное вознаграждение интервьюируемого.

В-третьих, в каждом интервью переплетаются несколько "сюжетных линий", так что они могут быть полезны историкам экономики, политики, социальных общностей, культуры, образования. Но если данные по этим областям знаний в достатке содержат и другие типы источников, то уникальность записей бесед со "свидетелями истории" – именно в том, что известные исторические события отражаются в своеобразной форме – в форме личного восприятия (сформированного без влияния оценок окружающих), помноженного на потенциал автобиографической памяти. К тому же, "устная история предоставляет важные исторические свидетельства о людях, особенно меньшинствах, которые были исключены из основного потока публикаций или не оставили после себя письменных источников"¹⁰. Так или иначе, изучение интервью позволяет раскрыть содержание категории повседневности.

Примечания

-
- ¹ Мокрова М.В. «Устная история» и источниковедение истории науки. <http://www.iht.ru/events/youth/mok-rova.htm> . Сообщение на заседании Летней школы "Источник в работе историка науки" (Москва, 4-5 июня 2001 г.)
- ² Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 320 с.
- ³ <http://fas-history.rutgers.edu/oralhistory/orlinfo.htm>
- ⁴ Ibid.
- ⁵ www.dickinson.edu/organizations/oha/EvaluationGuidelines.html
- ⁶ Tips for interviewers. <http://www.lib.berkeley.edu/BANC/ROHO/rohotips.html> Оригинал: Baum, Willa K. Oral History for the Local Historical Society; Truesdell, Barbara. Oral History Techniques. How to Organize and Conduct Oral History Interviews. <http://www.indiana.edu/~ohrc/pamph1.htm>
- ⁷ Фрагменты интервью публикуются с любезного разрешения Архива устной истории Второй мировой войны г. Ратгерса в авторском переводе. При переводе был сделан акцент на передачу разговорной речи, чтобы проследить моменты рефлексии, рождения воспоминаний. Источник: <http://fas-history.rutgers.edu/oral-history/indexnew.html/>
- ⁸ См. Нуркова В.В. Указ.соч.
- ⁹ Richmond Community History Project. New readers Series. <http://www.lib.berkeley.edu/BAHC/ROHO/readers.html>
- ¹⁰ History firsthand. Primary Source Research in Elementary School. <http://lcweb2.loc.gov/ammmem/ndlpedu/les-sons/psources/types.html>